

Иван Андросук

В лабиринтах Инфора

Часть сборника
Анатомия абсурда (сборник)

Иван Кузьмич Андрощук

В лабиринтах Инфора

Текст предоставлен автором.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6649662

Аннотация

Приключения молодого писателя начинаются в эфемерном городе, где эротика замешана с потасовкой, но вскоре пересекают границы миров и времен, и герой не отдает себе отчет даже в том, кто он есть на самом деле.

Содержание

1	4
2	9
3	15
4	23
5	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Иван Андросчук

В лабиринтах Инфора

1

– Вы не подскажете, где можно купить газету?

Вопрос произвел на портье впечатление разорвавшейся бомбы. Северину показалось, что его просто не поняли – однако старик исподлобь взглянув по сторонам, прижал к губам палец. Затем быстро открыл верхний ящик тумбы, рядом с которой стоял, и жестом пригласил заглянуть. В ящике лежала пожелтевшая газета. Это был позапрошлогодний экземпляр «Правды». Он что, сумасшедший?

– Сколько?

– Сто тысяч.

– Сто тысяч... чего? – опешил Северин.

– Рублей, – раздражённо пожал плечами портье.

«Точно, сумасшедший», – решил Северин, пробормотал что-то невнятное и вышел на улицу. Улица напоминала длинный коридор, который был образован двумя рядами стоящих вплотную семиэтажных домов. Ни киоска, ни деревца, ни фонарного столба, ни даже урны – пустое прямоугольное пространство. Совершенно пустое, если не считать припаркованной у подъезда машины. Но это была «реги́на»,

на которой ночью приехал сам Северин Басаврюк. Прикурил, сделал несколько торопливых затяжек и вернулся в гостиницу. Прошёл мимо напряжённого, как струна, портё, пересёк холл и направился в обеденный зал. Ресторан поража́л неожиданным, почти домашним уютом: широкий ассортимент при умеренных ценах, быстрое и заботливое обслуживание, отменный вкус сгладили неприятное впечатление от разговора с портё. К себе Басаврюк возвращался уже навеселе. Вбежал по лестнице, напевая вполголоса песенку аргонатов, попытался вставить ключ в дверь своего номера. Однако это ему не удалось – дверь открылась сама, вернее – при помощи стоявшего за ней мужчины средних лет, одетого в слегка франтоватый, но строгий костюм.

– Здравствуйте, Северин. Мы должны были вас встретить, но получили неточную информацию. Виновные в этом уже наказаны. Добро пожаловать в Инфор, – дружески улыбаясь, он взял Басаврюка под руку и ввёл его в номер. Навстречу им встала молодая женщина весьма приятной, но несколько официальной наружности.

– Знакомьтесь: Лада. Она будет вашим э-э-э... гидом. Со всеми вопросами обращайтесь к ней. Лада – хороший специалист. Молодой.

– Простите, но... – попытался было возразить Северин, однако незнакомец упреждающе поднял руку:

– Никаких «но». Вопросы возникнут, и лучше будет сразу иметь на них ответы, а не теряться в догадках. Словом, рас-

полагайтесь, чувствуйте себя как дома. А теперь вынужден оставить вас: дела, – бросил он уже с порога. – Желаю вам приятно провести время в нашем городе.

Басаврюк машинально пригласил Ладу садиться и попросил разрешения закурить. Приятная встреча, думал он. Такого не позволяли себе даже гебисты в свои золотые времена. Кто они? Мафия? Свита мелкопоместного диктатора? Чем обязан он столь задушевной встрече? Лада рассматривала Северина с неприкрытым интересом. Но это не был ни интерес обывателя по отношению к знаменитости, ни интерес женщины по отношению к мужчине. Скорее это была заинтересованность энтомолога, в поле зрения которого попала редкая букашка.

– Послушайте, – начал Северин с вежливостью связанного человека. – Мне не нужен гид. Я – писатель, и моя работа требует одиночества. И вопросы, которые могут возникнуть... Понимаете, я всё должен решать с а м. Я не собираюсь совать свой нос в ваши дела настолько, чтобы мне была нужна опека. Меня не интересует то, что происходит здесь и теперь. Как вам должно быть известно, я – фантаст, а не публицист.

– Вы заблуждаетесь, Северин, – возразила Лада. – Нам от вас нечего скрывать. Наоборот: мы заинтересованы в том, чтобы вы узнали Инфор как можно лучше. Дело в том, что вам одному будет действительно трудно во всём разобраться. У вас сложились определённые взгляды на жизнь, на по-

рядок вещей... здесь – всё иное, Северин. Инфор не похож на другие города. Очень многое здесь покажется вам странным, порой диким... Признайтесь: ведь вас удивило наше посещение? В других местах так не принято, правда? А здесь это само собой. Здесь не принято по-другому – например, запира́ть дверь. Вас это не касается, вы – человек неотсюда: но если бы дверь запер местный житель, он нарушил бы тем самым нравственный кодекс. В особых случаях это влечёт за собой даже уголовную ответственность.

– Позвольте, – недоверчиво усмехнулся Северин. – А как же воры?

– Кому придёт в голову воровать у всех на глазах? На воровстве заработает кто угодно, но только не вор: сведения о нём тут же передаст информат.

– Осведомитель?

– Нет, таксофон-информатор. Здесь информат заменяет всё – телефон, радио, телевидение, печать. Когда появились информаты, исчезли даже сплетни – к чему секретничать и наушничать, если любой горожанин, сняв трубку информата, может тут же получить исчерпывающую информацию по интересующему его вопросу. Как видите, кое в чём мы утёрли нос и столице, Северин.

Вот это новость, – ошарашенно подумал Северин. Тут, не только нос, и не одной столице. Не секрет, что средства массовой информации приносят больше вреда, чем пользы: ниагары информационных помоев, исторгающиеся ежедневно в

голову современника, притупляют его восприятие, лишают способности удивляться, вырабатывают иммунитет к новому и в конечном счёте приводят к обнищанию души. Однако, пока жив обыватель, о замене телерадиопресспруса на что-либо более приемлемое можно только мечтать. Кто бы мог подумать, что здесь, в глухой сибирской провинции, куда даже поезда не ходят...

– А летающие тарелки к вам не навешиваются?

Лада насторожилась:

– Что такое летающие тарелки?

Она что, с луны свалилась?

– Извините, это я пытался пошутить. Не получилось – это за мной водится.

– Странная шутка, – недоверчиво усмехнулась Лада. – И что же она должна была означать?

– Нечто вроде птичьего молока. Кстати о птичках: здесь замечательный ресторан. Вы не будете возражать, если я приглашу вас на небольшой завтрак?

– В этом нет необходимости, – в усмешке молодой женщины проскользнула особая провинциальная гордость. Она неувловимым движением нажала клавишу, встроенную в подлокотник кресла, и две секунды спустя в номер вошла накрахмаленная официантка с красивыми длинными ногами и лицом ангела, грезящего паденьем.

Просыпался тяжело – словно выныривал на свет Божий из затопленных катакомб, о каменные своды которых вдребезги расшиб голову. Голова оказалась целой, но только снаружи. Изнутри же – малейшее движение, любой поворот мысли вызывали жестокую боль.

Было утро – яркий дневной свет разлепил судорожно сжатые веки и ударил в глаза. Потянулся задёрнуть шторы – штор не было.

«Нам нечего скрывать друг от друга. Мы знаем друг о друге всё», – вспомнились слова Лады.

Кажется, они неплохо провели время. Если судить по самочувствию, то очень неплохо. Северин закрыл глаза и сосредоточился, вспоминая вчера. Сколько же они выпили?

Северин знал, что функционеры – мастера по части выпивки, но чтобы женщина, да в такой степени? Официантка носилась, как белка в колесе. С самого начала попойка превратилась в партию некоей сложной игры – игры, на которой нужно было вытянуть из соперника побольше информации. Северина больше всего интересовало, на кого она работает. Лада пила не меньше гостя, но держалась не хуже его: её тоже кое-что интересовало. В конце концов Северин, почувствовав, что стул под ним превращается в карусельную лошадку и вот-вот сбросит седока, предложил ничью. Лада –

если судить по цвету лица, она тоже уже вышла на финишную прямую – согласилась. Оказалось, что её интересуют всё те же летающие тарелки. Северин облегчённо вздохнул – надо же, ради такого пустяка чуть не дал запить себя до смерти – и выложил всё, что читал и слышал об НЛО. Приукрасил, живописал. Рассказал о встречах с прилетающими таким образом зелёными человечками, о летающих тарелках, сбитых над США и ЮАР, высказал и свои собственные соображения по этому поводу, предварительно обозначив их комментарием подвыпившего фантаста. Странно, однако именно его комментарии заинтересовали Ладу больше всего. Выговорившись, Северин пристал к ней с встречными расспросами – и оказалось, что он тоже пытался вывести секрет полишинеля. Лада и не собиралась этого скрывать.

Эти люди называют себя «дэзи» и состоят в ГУДИ, что значит Главное управление дезинформации. ГУДИ занимается сбором и сортировкой информации – с этой целью Лада и приставлена к Северину. Она явно о чём-то умалчивала, но Северин не стал выпрашивать: он достаточно принадлежал своей стране и своему времени, чтобы увидеть за словами Лады длинные ряды мрачных стеллажей некоей умопостигаемой картотеки, которые естественно, почти гармонично переходят в такие же длинные тюремные коридоры.

После сдачи позиций ещё выпили – кажется, на брудершафт.

Что было дальше, Северин не помнил.

Приподнялся на локтях. На спинке кровати висели дамские чулки. Этого только не хватало, – оторопел Северин. Потому что **это** было из вещей, которых он не позволял себе даже когда отключался. Особенно, когда отключался: в таких случаях его действия контролировались уже не сознанием. А подсознательный контроль был намного жёстче и не допускал ошибок.

– Доброе утро, – Лада была бледной и невыспавшейся, однако держалась великолепно. Что значит – человек на работе. Басаврюк даже по-доброму позавидовал её собранности. Чего-чего, а собранности ему не хватало. Лада присела на край кровати и принялась надевать чулки.

– Прости за нескромный вопрос, – Северин внутренне приготовился к увесистой пощёчине. – **Это** – тоже составляет круг обязанностей сотрудника ГУДИ?

– Правильным ответом была бы пощёчина, – кивнула Лада. – Однако не забывай, что мы – в Инфоре. Здесь пощёчины – бесполезная экзотика. Так что если тебе очень хотелось получить по твоей похмельной физиономии, можешь считать, что я тебе её должна. Что же касается... Честно говоря, я тоже ничего не помню. В конце концов, есть вещи, которые дэзи может себе позволить просто как человек.

– Ну да, криво усмехнулся Северин. – Ведь дэзи – не просто люди. Ведь это такая работа... Титанический труд во благо... Кстати, во благо чего?

– В наши планы не входит ссориться с тобой, и я ответила

бы на твой вопрос, если бы он имел отношение к делу, – сердито отрезала Лада. – Но я здесь не для того, чтобы устраивать сцены. Да и ты приехал сюда не отдыхать и пьянствовать со стоворчивыми гудистками. ГУДИ ты не нужен: с нами-то как раз всё в порядке. Ты нужен городу. Ты прибыл сюда потому, что в тебе нуждается Инфор.

– Да ну, – усмехнулся Северин. – А мне почему-то казалось, что я здесь исключительно по собственной воле.

– Ну да, каждый из нас поступает по своей воле, сообразуясь с собственными вкусами и пожеланиями. Начнём с того, что Инфора нет ни на одной карте, даже на засекреченных. А на той карте, которая попала к тебе в руки и по которой ты сюда ехал, город был. Никто на большой земле даже не подозревает о существовании Инфора – ты же воспринял его как нечто, чего не может не быть. Думаешь, легко убедить человека отправиться в такую глушь?

– Но меня ведь никто и не убеждал...

– Убеждали. В том и искусство убеждения, что всё делается незаметно. Инфор звал и ждал тебя, Северин.

– Но какой в этом смысл? Зачем я ему понадобился?

– Город болен. Возможно, смертельно болен.

– Это, конечно, грустно – но я-то тут причём?

– Не знаю, – пожала плечами Лада. – Возможно, ты сможешь его спасти, возможно, знаешь, как это сделать. Заболевший зверь не отдаёт себе отчёта в том, как он ищет и зачем ест целебные травы. Та же ситуация и с городом. Он на-

шёл тебя инстинктивно, как больной зверь находит целебное зелье.

– Никогда бы не подумал, что придётся врачевать. Тем более города, – растерянно пробормотал Северин. – И на что жалуется наш больной?

– Это ты должен определить сам: любая информация с нашей стороны может вывести тебя на ложный путь. Походи по городу. Посмотри, послушай. Любая система подлежит логическому осмыслению. Тем более, речь идет не о теоретически возможных вариантах, а о твоём времени и о твоей стране. Однако остерегайся делать поспешные выводы и категорические заключения. По этому пути пошли многие – и все они остались здесь.

– Многие? Значит, я уже не первый?

– Не буду скрывать: по меньшей мере каждый третий из тех, кого ты встретишь на улицах, прибыл сюда спасать Инфор.

Северин любил распутывать абсурдные, порой даже тупиковые ситуации: он делал это с тем большим удовольствием, чем абсурднее казалось положение вещей. Он пришёл к выводу, что всякий абсурд – это плоскость соприкосновения нашего мира с иным миром, законы которого нам непонятны и чаще всего кажутся нелепыми. А что может быть увлекательнее для фантаста, чем открытие и исследование чужого мира? Ситуация же с Инфором становилась всё более абсурдной.

– Ты пойдёшь со мной?

– Нет. Ты должен быть с ним один на один. Если возникнут сложные вопросы, вечером обсудим. И ещё одно: открывай рот только для того, чтобы спрашивать. Если тебя даже о чём-то спросили – пытайся ответить вопросом на вопрос. Каждое твоё слово здесь – на вес золота. Информация – это деньги. Здесь – большие деньги, Северин.

– погоди, а как же информаты?

– Информат – это другое. Это – бытовая информация. Где можно выпить, где – портки заштопать, кто кому морду набил, кто с кем переспал и так далее. Но так было не всегда. Было время, когда таксофон запросто отвечал на вопросы, над которыми учёные бьются уже тысячи лет.

– Постой, но ведь ты говорила, что таксофон тут же отвечает на любой вопрос, интересующий горожанина!

– И это тоже правда, – грустно усмехнулась Лада. – Именно такая информация и занимает теперь горожан. И ещё одно: никому не говори, что ты – писатель. Беллетристика для них – ложь, даже если в ней целые залежи информации. А они терпеть не могут лгунов.

Улица оставалась пустынной: одинокий прохожий в конце её был несущественен и казался нарисованным. Басаврюк надвинул шляпу, засунул руки в карманы плаща и пошёл вдоль тротуара.

Ему и раньше приходилось попадать в нелепые ситуации – иначе и быть не могло, художник абсурден в любом обществе и абсурд начинается всякий раз, как только у него возникает необходимость контакта с обществом. Но в такой бред он еще не попадал. Даже с тяжёлого похмелья. Вышел на перекрёсток – небольшая круглая площадь была столь же пуста, как улица, по которой он пришёл; ни деревца, ни столба, не говоря уже о таких вещах, как газетные или табачные киоски. Стерильной пустотой поражали и две улицы напротив – они напоминали скорее унылые коридоры лабиринта, чем улицы. Лежавшая за углом несколько отличалась от них: её разнообразил дом, который выходил торцом на площадь, вернее, первый этаж этого дома. Этаж состоял из сплошной стеклянной стены, разрисованной цветными гастрономическими символами. Вывеска над гостеприимно распахнутой дверью сообщала, что здесь – ресторан.

У входа в ресторан стояла девушка. На ней было длинное, до полу кремовое платье с оборками и того же цвета шляпка с чёрным страусовым пером. Наряд девушке шёл и выглядел

элегантно – однако такие вещи перестали носить по меньшей мере полтора-два года назад. Девушка ожидающе смотрела по сторонам: увидев Северина, она наклонилась и стала подтягивать чулок. Северин собрался было пройти мимо, но в последний момент передумал. Поравнявшись с незнакомкой, он нагнулся, опёрся ладонями в колени и заглянул ей в лицо:

– Вам помочь?

Девушка вспыхнула и бросилась прочь. Северин пожал плечами и пошёл дальше. Улица продолжала оставаться пустой, но он вдруг почувствовал, что на него смотрят. Окна. Тысячи бледных лиц выплыли из тёмных глубин жилищ и прилипли к стеклам. Северин нервно передёрнул плечами и споткнулся на ровном месте. Лиц стало ещё больше. Растерявшись вконец, он ускорил шаг и свернул в небольшой переулок. В нескольких шагах стояла телефонная будка с надписью «ИНФОРМАТ». Северин вошёл и увидел телефонную трубку, висевшую на «у»-образном рычаге. Снял её.

– Номер.

– Простите?

– Назови свой номер.

Северин осмотрел кабину – ни на рычаге, ни на стенах, ни на трубке никаких номеров не было.

– Простите, но здесь нет номера. Я только вчера приехал...

– А, уважаемый гость! – в голосе автомата появились дружелюбные нотки. – Добро пожаловать в Инфор. Могу по-

советовать чудный ресторан. Прямо, затем налево до конца и за угол. Превосходные вина, изысканные закуски, великолепный интим... – информат отключился.

Северин постоял, недоумённо слушая отрывистые гудки, затем повесил трубку и вышел. В сущности, Лада об этом предупреждала.

А что, собственно, можно ещё предложить гостю города? Достопримечательности? Культурную программу? А если нет ни того, ни другого? Естественно – выпить. Тем более, для аппарата, который выдаёт бытовую информацию и разговаривает по-русски. Стоп. В будке информата не было настенных росписей. Басаврюк немало поколесил по стране и встречал их везде – на маленьких полустанках и в больших городах, на заборах, стенах домов, лифтов, но чаще всего в общественных уборных и в телефонных будках. Настенные надписи – извечный спутник человека, они сопровождали его всегда, ещё с пещер. А здесь их нет. Что бы это могло значить? Жёсткий административный контроль, запрет? Но ведь запреты только стимулируют стенописцев, пресловутое русское «плевать!» вошло и поговорку. Никогда, никто не мог заставить человека отказаться от этого примитивного способа передачи информации... Информации?! Неужели до такой степени...

Переулок вышел на короткий проезд: проезд заканчивался широкой улицей, по которой шли люди. Шли в одном направлении, их становилось всё больше – точно у проход-

ной большого завода перед началом смены. Люди скользили безмолвно и почти беззвучно, как тени: фасоны одежд были очень разными, но и мужские, и женские наряды имели один и тот же блёкло-серый цвет.

Северин вышел из проезда и влился в поток. Шаги шелестели, как ветер в листве. Толпа собиралась на площади, которою заканчивалась улица: площадь уже была забита, а народ всё подходил и подходил. Посредине площади на помосте стоял человек в элегантном, но таком же сером, как и все, костюме. Он поднимал над головой большой плоский конверт и восклицал:

– Дважды два восемьдесят. Кто больше?!

Северин встал за спинами задних, возбужденно переминающихся с ноги на ногу. Народ продолжал прибывать.

– Восемьдесят пять! – крикнул кто-то, нервно хихикнув.

Северин наклонился к пожилому человеку, который стоял перед ним:

– Что здесь происходит?

– Аукцион, – удивленно бросил тот через плечо.

– Дважды два восемьдесят пять – два!

– Девяносто! – взметнулась рука с той стороны площади.

– А что продают?

– Таблицу умножения.

Северин неистово сжал зубы, но не сдержался. Отвечавший и ещё несколько человек повернули к нему раздражённые лица.

Смех застрял в горле: Северин ошарашенно смотрел на того, с кем только что разговаривал. Старик смутился и обернулся к помосту.

– Галик Саакович! – неуверенно позвал Северин. Старик беспокойно переступил с ноги на ногу и протиснулся дальше вперёд.

– Профессор Азарян! – почти крикнул Басаврюк, однако тот не пошевелился. Зато обернулись другие – помоложе. Их бледные дремучие лица искажала злоба. Неужели обознался – рассеянно думал Северин, выбираясь из продолжающей собираться толпы.

После института прошло уже лет десять, но ведь...

– Дважды два продано за девяносто рублей! – догнало его уже в конце улицы. Навстречу ему ещё попадались люди в сером, но Северин избегал смотреть на их бледные лица: даже румянец возбуждения на этих лицах был окрашен в серый цвет. Свернул, прошёл квартал, снова свернул. Эта улица снова была пустой, если не считать одинокого прохожего, который сворачивал за угол в дальнем её конце, и кабины информата. Стенки кабины были девственно чисты, но Северина это уже не удивило – какие могут быть граффити, если непременно для других мест «Манька – дура» или «Долой коммунистов!» здесь, должно быть, стоят не меньше, чем в других местах чертёж невидимого истребителя или формула топлива для такой машины. Снял трубку.

– Номер.

– Это я, приезжий.

– А, привет... Тебе не понравился ресторан? Гм... Сейчас подыщем что-нибудь получше...

– Видишь ли... Дело в том, что... Да, у меня кончились деньги, – нашелся Северин.

– Что же ты сразу не сказал? Никаких проблем. Ближайший информаторий – первый поворот налево, через два квартала. Там у тебя кое-что купят. Сразу много не выкладывай – зашкалит приемник, и вместо заработать можешь устроить большой бабах. Несколько самых общих вопросов из области, в которой ты малокомпетентен. Самые поверхностные знания. Там большие очереди, но ты не обращай внимания – для гостей отдельный вход, с левого торца здания. Запомнил?

Дом, о котором говорил информат, был монументальным сооружением периода Третьей Конституции. В несколько его входов, которые терялись среди циклопических колонн советского ордера, вползали длинные серые змеи очередей. Высоко на фронтоне – прочитать можно было только придерживая шляпу – выстроились золотые литеры:

Информаторий

приём информации от населения

Бледные лица серых, точно подсолнухи, оборачивались к подходящему. Город стёр с этих лиц их первоначальный цвет, лишил их черт национального характера – но и теперь без труда можно было понять, что здесь собрались не только

славяне и турки. То и дело попадались тяжёлые челюсти германцев, истлевшие глаза латинян, экзотические формы африканских лиц... Здесь были все, кто возводил Вавилон...

Северина передёрнуло, в первое мгновение он не поверил своим глазам.

Сделал шаг навстречу: бледнолицый смутился и опустил глаза. Нет, всё правильно – ошибки быть не может. Необычный разрез огромных, но в то же время глубоко посаженных глаз, родинка на переносице. А шрам на подбородке – это он сам, Северин, сделал отметину, когда его, охваченного пьяным буйством, друзья пытались удержать. Северин скрипнул зубами: он был готов ко всему, он ожидал встретить кого угодно, но только не...

– Марий, – тихо позвал он.

Монастырский внимательно рассматривал свои ногти, свинцово-серый румянец окрасил его бледные щёки.

– Марий, посмотри на меня, это я, Северин, – глухо, с трудом сдерживаясь, сказал Басаврюк. Марий, прячась за спину стоящего перед ним, боязливо выглянул. В его глазах тоже стояли слёзы. Но это не были слёзы узнавания – это были слёзы ребёнка, которого незаслуженно обижает незнакомый взрослый.

– Марий! – прохрипел Северин и ринулся к нему, но серые встали стеной, заслонив Монастырского. Выражение дремучей, животной злобы проступило на их лицах: сжав кулаки, стенка подалась вперёд.

Северин повернулся кругом и пошёл прочь. Слезы катились по его щекам, глухими рыданиями вырывались из горла.

Прошло несколько часов, прежде чем Северин смог остановиться. Он вошёл в кабину информата и снял трубку.

– Номер.

– Мне нужно выпить, – сказал Северин.

Информат ободряюще рассмеялся:

– С этим без проблем. Да ты не скидай – другие выдерживали поменьше твоего. Подними голову: ресторан как раз напротив, через дорогу.

Северин поднял голову – в первом этаже дома напротив действительно был ресторан. Заведение было другим – и по стилю, и по форме, – однако у входа в него стояла всё та же девушка в кружевном кремовом платье и того же цвета шляпке со страусовым пером. Её блестящие глаза из-под шляпки взволнованно смотрели на Северина. Басаврюк собрался было пройти мимо, но в последний момент передумал. Поравнявшись с незнакомкой, он остановился и спросил, грустно усмехнувшись:

– Ну так что же у нас с чулками?

Официантка приняла заказ и исчезла. Небольшая уютная комнатка – маленький, похожий на журнальный, столик, глубокие кресла, светильник в розовом абажуре, древнекитайская живопись на стенах – всё это создавало маленький мир, располагающий к отдыху и интимному разговору.

Вернулась официантка – так же незаметно, как исчезала. Северин наполнил бокалы. Только теперь он обратил внимание на удивительную красоту своей спутницы. Ничего подобного в Инфоре он не встречал: даже привлекательность Лады была скорее дизайном, чем свойством натуры.

– Как тебя зовут?

– Эльза четыреста пятьдесят седьмая, – она робко подняла на него сверкающие глаза.

Снаружи донеслись глухие вопли, напоминающие звериные крики. Северин обернулся к стеклянной стене, выходившей на улицу: за стеной десятка три серых в изодранных одеждах колошматили друг друга короткими чёрными палками. Искажённые злостью лица были залиты кровью – дерущиеся насакивали друг на друга и наносили сокрушительные удары, стараясь попасть по голове. Тот, кому это удавалось, издавал ликующий звериный рёв. Сутулый увалень с длинными обезьяньими руками отступил к самой стене. Внезапно он резко отпрыгнул в сторону, и тот, кто нападал на

него, со всего размаху врезался лицом в стену. К счастью, стекло оказалось небьющимся – серый, размазывая по нему кровь, сполз на тротуар. По лицу Эльзы скользнула тень отворачивания.

– Из-за чего они дерутся?

– Просто так. Обычная информационная драка.

– Информационная?

– Ну... надо же что-то сдавать в информаторий. Из окрестных домов наблюдают за дракой, затем сведения о ней сдают в пункт приёма. За информацию о драках пока неплохо платят – конечно, меньше, чем за перестрелки или групповую любовь, – но довольно сносно.

– Можно закурить? – Ильза кивнула. – И что, женщины тоже наблюдают за дракой?

– Нет, – Ильза опустила глаза и покраснела. – Женщины собирают информацию о любви.

– Ильза, – Северин глубоко затянулся, положил сигарету на край изящной пепельницы в виде распустившегося пиона и снова наполнил бокалы. – Ты расскажешь мне о городе?

– Конечно, – она снова взглянула на него. В глубине её глаз светились звёзды. Этого нельзя было подделать – так может смотреть только женщина, которая по-настоящему счастлива.

– Кто управляет городом?

– Информация, конечно, – удивление школьницы, которой задали подозрительно легкий вопрос.

– Да, прости, я, наверно, не так спросил. Конечно, информация. Но... но я не могу понять, как это происходит. Видишь ли, я здесь впервые...

Ильза зашлась звонким, неудержимо весёлым смехом. Северин так и застыл с полуоткрытым ртом и недоумённо вытаращенными глазами. Что её так развеселило?

– Прости, – Ильза наконец успокоилась. – Я не могла сдержаться. Я потом всё объясню. Или ты сам поймёшь – это неважно. Так что ты хотел спросить?

– Каким образом информация осуществляет управление городом? – сказал Северин.

– Очень просто. Информация попадает в Информатории. Оттуда – в ГУДИ. Дэзи сортируют информацию, убирают ненужную, следят, чтобы не было повторений. И переправляют дальше – Вестникам. Вестники уже **знают**.

– Кто такие Вестники?

– Это тоже люди. Но у них нет ни имен, ни номеров. Потому что они **знают**.

– И что, вся информация принадлежит Вестникам?

– Нет, информация принадлежит всем и управляет всеми. А руководит информацией Великий Информатор.

– Великий Информатор? Кто это?

– Этого не знает никто. У него тоже нет имени, но у него имени не было совсем. Никто не видел Великого Информатора и никто не видел того, кто видел его.

– А Вестники? Быть может, кто-то из Вестников видел Ве-

ликого Информатора?

– Не знаю. После того, как человек становится Вестником, его тоже никто не видит.

Северин затушил окурок и ещё раз наполнил бокалы. А женщины здесь пьют не хуже мужчин, – констатировал машинально.

Впрочем, если учесть специфику их работы...

– Что происходит с приезжими?

– Им здесь нравится... – опустила глаза Ильза.

Северин бросил на неё недоверчивый взгляд. Ей очень шла стыдливость – пунцовый оттенок придавал её лицу неотразимую прелесть. А ведь они не так просты, как может показаться на первый взгляд, вдруг подумал он. Конечно, на большой земле любой из обитателей Инфора с ходу загремел бы в сумасшедший дом, – но здесь, в Инфоре, сумасшедшим кажется именно он, а не они. Потому что весь этот город сошёл с ума, и норма здесь – безумие, а не здравый смысл. Впрочем, их безумие тоже имеет систему – а значит, это уже не безумие.

Ильза извинилась и куда-то вышла. Басаврюк понятия не имел, как рассчитываются с проститутками – советско-христианский склад воспитания не позволял ему иметь дело с этой категорией трудящихся. Поэтому воспользовался моментом, чтобы засунуть ей в сумочку деньги. Хотя чувствовал себя при этом распоследней свиньёй. Когда Ильза вернулась, в её руках была бутыл с целующимися уточками на

этикетке. Уточек окаймляла надпись, сделанная китайскими иероглифами. Если бы Северин умел читать по-китайски, он прочел бы: «Любовный напиток». Северин умел читать по-китайски.

Ильза слегка захмелела и вела себя раскованней, чем вначале. Сама наполнила бокалы любовным напитком, подала один Северину и попросила его:

– Расскажи мне о себе. Кем ты был прежде, в большом мире?

– Писателем, – машинально ответил Басаврюк. Но тут же вспомнил предостережение Лады. А впрочем, так даже лучше – если писатели для них – не люди, легче будет отделаться. Однако реакция Ильзы была неожиданной.

– Как, ты писал цифры? – спросила она с восхищением.

– Признаться, больше буквы, – усмехнулся Северин.

– Буквы?! – Ильза изумлённо подалась назад. – Ты, наверное, шутишь? – растерянно-жалкая улыбка скользнула по её лицу.

– Конечно, шучу, – кивнул Северин. Он уже начинал понимать, почему нигде в городе не встречал настенных росписей. Его тон становился решительным и злым. – Кому придёт в голову такая чушь – писать буквы, эти идиотские заколючки. Конечно, никому. Я составлял из них слова, из слов – фразы, из фраз – рассказы, стихи, новеллы, эссе, романы, повести... Чего только я не писал. Я написал много, много книг.

– Северин, не смейся надо мной! – воскликнула Ильза с мольбой в голосе. В её глазах стояли слёзы.

– Я не смеюсь, – возразил Северин. – Конечно, я мог и по-другому – например, взять палку и разбивать ею головы. В большом мире за это тоже хорошо платят. Если честно, иногда появлялась такая мысль. Но за те головы, которые мне очень хотелось разmozжить, пришлось бы заплатить мне самому, причём заплатить очень дорого. Поэтому я предпочёл писать книги.

Ильза сидела, откинувшись на спинку кресла, и, чуть не плача, смотрела на Северина: растерянность, страх, недоверие, восхищение, любовь – целая гамма разнообразных, порой несовместимых чувств, смешались в её взгляде. Северин наполнил бокал и поднёс ей. Ильза, выпив, начала успокаиваться. Некоторое время сидела молча, затем заговорила:

– Я никогда бы не поверила, что это возможно... Я видела книгу – когда была маленькой, мне бабушка показывала. Помню, я очень удивлялась – я никак не могла понять, зачем столько смешных закорючек. Но бабушка сказала, что эти закорючки называются буквами... Что когда-то, очень давно, жили люди, которые их понимали... Эта книга у нас ещё с тех пор, и уже тогда мои предки хранили её очень долго. А когда люди разучились понимать буквы, содержание книги пересказывали из поколения в поколение. Меня и называли так потому, что в этих легендах рассказывается о девушке по имени Ильза... – она вытерла слёзы, выступившие в её

глазах. – Но люди, умевшие читать, умерли так давно, что теперь мало кто верит в то, что они были. Я тоже не верила. И не поверила бы, если бы не встретилась с тобой.

Между тем зелье китайских знахарей начинало действовать. Северин почувствовал, что его захлёстывает нежность, что его неудержимо тянет к этому прелестному цветку, который непостижимым образом расцвёл в уродливых каменных джунглях, среди племени полуидиотов-полудикарей. Желаниелучилось из её подёрнутых дымкой глаз, связывало их незримыми нитями, пеленало в кокон на двоих – тесный, уютный, тёплый. И ещё он почувствовал, что теперь или никогда, что через минуту уже не сможет выпутаться из этого кокона. Ильза протянула к нему руки:

– Пойдем?

Северин встал и взял её за руки:

– Я провожу тебя.

– Мы пойдем... к тебе? – она радостно засмеялась.

– Нет, к тебе.

Вышли на улицу. Драка давно закончилась – о ней напоминали только бурые пятна на мостовой, серые клочки одежды и сломанные палки. Прижавшись друг к другу, пошли по тротуару, и бледные луны прильнувших к оконным стёклам лиц сопровождали их на всём пути.

Остановились у входа в один из жилых домов – внешне дома были похожи друг на друга, как близнецы. Ильза смущённо улыбнулась и повлекла Северина за собой, в зияющий

прямоугольник входа. Но Басаврюк не сдвинулся с места: он наклонился к её руке, коснулся её губами и прошептал:

– До свидания.

Ильза оцепенела: румянец сошел с её лица, и оно стало бледным, как мел:

– Ты... шутишь? – спросила она с надеждой: на её глазах выступили слёзы.

– Нет. До свидания, – пробормотал Северин, затем повернулся кругом и зашагал прочь. Полминуты спустя его догнал хриплый отчаянный крик – это был предсмертный крик птицы:

– Северин!

Обернулся – Ильза стояла на том же месте – бледная, поникшая, опустошённая – как будто вместе с криком, вырвавшимся ему вослед, из неё вылетела душа. Он помахал ей рукой и ускорил шаг.

Свернув за угол, едва не столкнулся с грудой переплетённых человеческих тел, перекатывающейся по земле. Треснула ткань, мелькнула дрожащая голая нога, послышался слабый крик о помощи. Басаврюк не остановился – изнасилование было явно информационным.

– Поехали, регина, нам здесь больше нечего делать, – пробормотал Северин. Постоянное одиночество выработало у него привычку разговаривать с вещами. Мотор заурчал, машина сдала назад, съехала с тротуара и начала разворачиваться. Окна дома напротив побелели от налипших изнутри лиц.

– Будьте счастливы, милые. Не поминайте лихом, – регина рванулась вперёд. Северин выпрямился за рулём, устроился поудобней. Дышал глубоко, уже почти свободно. Налево, опять налево и... этого не может быть. Здесь был короткий широкий проезд, по которому он въехал в город. Сегодня проезда не было – вместо него тянулась узкая, уводящая вглубь города змееобразная улица. Сдал назад и проехал дальше – но и следующий поворот никуда не выводил. Чертовщина какая-то. Сбавил скорость, стремясь заглянуть в просвет между домами – но просветов не было. Здание переходило в здание, стены сливались в бесконечные полосы стеклобетона. Доехал до перекрёстка и свернул в направлении предполагаемого выезда – но участившиеся прохожие и магазины в первых этажах свидетельствовали, что он углубляется в город. Спокойно, регина, без паники. Северин пытался убедить себя, что рука на переключателе скоростей дрожит под воздействием механизма, а не в силу каких-либо

других причин. В конце концов, можно и не сворачивать – любая улица должна вывести из города, а там – по кольцевой или просёлками – можно будет выехать и на нужную трассу. Серые прохожие останавливались и провожали машину бледными пятнами лиц; откуда-то выпорхнула стая мальчишек и с криком понеслась за «региной». Дети были такими же серыми и бледнолицыми, как и взрослые – казалось, их кожи не касались лучи солнца. Северин поехал быстрее, и детвора отстала. Змеи очередей пугливо прижались к информаторию, уступая дорогу. В какой-то момент улицы оказались заполнены людьми до такой степени, что пришлось перейти на черепашую скорость: дома в этой части Инфора стояли теснее и были выше, некоторые достигали двадцати этажей. Затем снова стало свободней, вновь потянулись длинные пустые улицы окраин – унылые коридоры лабиринта, в какой-то момент Северину показалось, что цель близка – улица взбиралась на крутой пригорок и он был уверен, что с этой возвышенности откроется вид на окрестности города. Но город опять обманул его. Когда «реги́на» взобралась на пригорок, который действительно возвышался над крышами домов окрест, Басаврюк вышел из неё и обнаружил, что город тянется на много километров во всех направлениях, и на грани видимости, у всех горизонтов, приподнимается к небу, как бы образуя внутреннюю поверхность исполинской чаши. В самом центре этой чаши и находился теперь Басаврюк. Между серыми рядами жилых строений, которые дей-

ствительно напоминали лабиринт, были разбросаны циклопические кубы информаториев; то тут, то там, резко контрастируя с окружающей дьявольской архитектурой, виднелись обезглавленные силуэты колоколен и сломанные стрелы минаретов; у самого окоёма на фоне серого неба вырисовывался белый контур зиккурата. Басаврюк вернулся в машину и закурил. «Регина» покатила под гору, набирая скорость и стремительно погружаясь обратно в лабиринт. Какого чёрта, всё более разъярялся Северин, чувствуя, что балансирует на грани безумия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.